

УДК 94(470.5).05/.063:37

А. М. Сафронова

ДОКУМЕНТЫ О ГРАМОТНОСТИ ДЕТЕЙ НА ГОРНОЗАВОДСКОМ УРАЛЕ в 1721–1734 гг.

В статье рассматриваются основные документы, освещающие обучение грамоте детей в первых словесных школах, действовавших при казенных заводах Урала: распоряжения местных властей по привлечению детей для обучения, законодательно-нормативные акты высших и центральных органов, регламентировавшие прием детей в школы; ведомости, характеризующие количественный и социальный состав школьников. Привлекаются ведомости первых арифметических школ, в которые собирались дети, обученные грамоте на дому.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал, горнозаводские школы, детская грамотность, В. Н. Татищев.

Горнозаводские школы сыграли важную роль в распространении грамотности среди детей мастеровых и заводских работников, разночинцев, проживавших при заводах и в приписных к ним слободах, а также детей солдат, священников и церковнослужителей. В докладе на Одиннадцатых Татищевских чтениях мы кратко затронули вопрос о грамотности детей на Урале в 1720–1730-е гг. [см.: Сафронова, 2015]. В данной статье хотелось бы рассмотреть документы, освещающие вопрос о детской грамотности на Урале до середины 30-х гг. XVIII в. – до возвращения В. Н. Татищева на Урал в качестве начальника заводов, когда произошел взлет в распространении грамотности и горнозаводской Урал в этом отношении занял передовые позиции в России.

Первым документом, регламентировавшим обучение грамоте детей на территории горнозаводского ведомства, был наказ начальника заводов В. Н. Татищева комиссару Уктусского и Алапаевского заводов Т. Бурцеву, изданный 25 февраля 1721 г. Среди основных обязанностей комиссара по управлению заводами Татищев выделил и организацию словесных школ, так обосновав причины их открытия: «Дабы здешней простой и упрямой народ хотя мало во обычаях чтением книг переменить и во услуги его величества способнейших учинить, заводы же довольством письмоумеющих в лутшее состояние и размножение привести». Особое внимание Татищев обратил на нужду в грамотных для налаживания делопроизводства: «Понеже здесь есть немалая тягость в отпращивании дел от недостатка письмоумеющих, також и дела без записок

весьма смятны, что не токмо в несколько лет, по прошествии нескольких месяцев уже обрести неможно: кто у какой работы был, что сделал» [Татищев, с. 62].

Первый пункт главы «О школах» гласил: «Здесь, на заводах и в каждой слободе особенно, построить избы с сеньми и сделать по потребности красные окошка, поставить столы и лавки и во оных обучать робят». Оговорка об открытии школ «в каждой слободе особенно» свидетельствует о стремлении Татищева к открытию словесных школ наряду с заводами в слободах при них. Известно, что к Уктусскому заводу были приписаны Арамилская, Белоярская, Камышевская и Ново-Пышминская слободы; к Алапаевскому – Невьянская, Арамашевская, Мурзинская [см.: Геннин, с. 448, 488]. Нам удалось выявить документы о претворении в жизнь предписаний Татищева об открытии школ для детей крестьян в двух-трех слободах при Алапаевском заводе в 1721–1722 гг., но каких-либо конкретных данных о числе обучавшихся они не содержали [см.: Сафронова, 2002, с. 6–25; 2016, с. 19–33].

Из кратких записей дневальной книги Канцелярии горных дел за 1721 г. можно проследить действия Татищева по открытию школ [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 4а, л. 225–298 об.]. Еще в январе 1721 г., будучи на Алапаевском заводе, он указал провести перепись всех жителей – «мастеровых, работных, шведов, крестьян с леты их и животы подворно» [Там же, л. 227 об.]. Во время второго приезда 10 июня был отправлен «указ в Мурзинскую слободу о высылке подьяческих и церковничьих, пищиковых, детей боярских от 5 до 15 лет к смотру на Алапаевской завод» [Там же, л. 256 об.]. Вероятно, Татищев хотел отобрать часть подростков в словесную школу при заводе, а уже владеющих грамотой направить в Уктусскую арифметическую. 26 июня члены Канцелярии горных дел В. Н. Татищев и И. Ф. Блиер издали указ: «Алапаевских заводов и приписных слободах церковничьих, подьяческих, детей боярских и мастеров детей их велеть обучать читать и писать дьячкам церковным, которым за труд на заводе давать по наказу, а в слободах впредь определено будет. Ежели же оные дьячки учить не будут, или отцы детей своих обучать не похотят, то оные взяты будут на Уктуской завод для обучения» [Там же, д. 5, л. 91].

В марте 1721 г. начала действовать словесная школа при Уктусском заводе, в ноябре – при Алапаевском. В сентябре 1721 г. Татищев распорядился о подаче ведомостей о школьниках в Горное начальство по третьем году, но составлялись они, судя по описям документов тех лет, нерегу-

лярно и сохранились в небольшом количестве. Благодаря ведомостям, мы можем судить о наличном составе учеников, их успехах в обучении, по некоторым – и о социальном составе учащихся. Наличие ведомостей от Уктусской словесной школы за каждый год позволяет проследить смену контингента учащихся – приход одних, выбытие других. Всего в 6 ведомостях фигурирует 94 фамилии учащихся, т. е. по меньшей мере 94 подростка прошли обучение в первой на Урале словесной школе за первые 4 года ее деятельности. Судя по «переводной» ведомости, 56 учеников Уктусской школы с мая 1725 г. продолжили обучение грамоте в Екатеринбургской словесной [см.: ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 4, л. 86 об.; д. 7, л. 181–181 об.; д. 9, л. 93–93 об.; д. 11, л. 193; д. 20, л. 3–3 об.; 13–13 об.].

Данные об успехах учащихся дают наглядные представления о ходе обучения грамоте: ученики сначала «азбуку учат», затем «твердят», после азбуки учат и «твердят» часослов, после этого переходят к псалтыри. Только после «тверждения» псалтыри приступают к обучению письму, начиная с «письма слов» и заканчивая «в письме тверждения рук». Сопоставление успехов одних и тех же учащихся позволяет говорить о скорости обучения чтению и письму, данные же о только что принятых в школу – о начале обучения некоторых детей грамоте еще на дому, если они сразу же приступали к чтению часослова, псалтыри, письму.

Общие данные об учащихся Алапаевской словесной школы содержатся в ведении о состоянии завода, поданном комиссаром И. Аврамовым новому начальнику заводов В. И. Геннину в декабре 1722 г. – грамоте обучалось 34 ученика: 11 учили часослов, 11 читали псалтырь, 12 обучались письму [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 23а, л. 838]. За январь 1723 г. сохранился «реестр» учащихся, в котором приводились их фамилии и имена с показанием «псалтырь выучил» в отношении 26 человек, напротив 8 фамилий отмечалось, какую часть часослова они обучают, и один вновь принятый ученик «азбуки выучил» [Там же, д. 22, л. 70–70 об.].

Наиболее богаты по содержанию первые ведомости Кунгурской арифметической школы, открытой в сентябре 1721 г., за январь 1722 г. [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 14–16, 430–433]. Ясно, что на смотр по случаю открытия школы в 1721 г. явилось 38 человек, 28 из них были посланы комиссаром Кунгурского уезда согласно «росписи» (7 – из Кунгура, 21 – из сел и острожков уезда), 12 человек явились «сверх росписи», т. е. по желанию отцов (3 – из города, 9 – из уезда). Наиболее подготовленными к изучению математики оказались подростки из города, они дома овладели чтением и письмом, некоторые из них, вероятно, на дому начали обучаться и счету. В январе 1722 г. учили «нумерацию», т. е. числа,

сын подьячего 13 лет; двое детей попа 10 и 12 лет; явившиеся «своею охотою» сын урядника и посадского (10 лет). Четверо учили умножение: сын комиссара, подьячего, посадского (все 10 лет), попа (12 лет). Сын попа 10 лет ушел дальше всех – постигал деление.

Но из 19 явившихся «по росписи» из уезда были зачислены в школу только пятеро, причем лишь один из них, сын дьячка 12 лет, выучился на дому читать и писать и учил нумерацию. Сын пономаря и трое детей попов 10–12 лет в январе 1722 г. учились писать. Видимо, их решили зачислить в школу, чтобы в ее стенах быстрее научить грамоте и перейти к математике, ведь полностью подготовленных насчитывалось всего 11 человек! По этой же причине был принят в школу и явившийся «сверх росписи» из села Златоустовского 17-летний сын попа М. Васильев. Итак, в январе 1722 г. в Кунгурской арифметической школе обучалось 16 подростков, в то время как были признаны негодными и отпущены по домам 22 – из сел и острожков Кунгурского уезда. Это дети священников и церковнослужителей, двое детей церковных сторожей, сын посвирника.

Данные ведомости – красноречивое свидетельство того, что священники и церковнослужители Кунгурского уезда до 1721–1722 гг., до объявления верховной властью и Синодом обучения детей духовного сословия обязательным [см.: ПСЗРИ-1, т. 6, № 3718, 3854, 3932, 4021], не придавали большого значения раннему обучению детей чтению и письму, а 47 % явившихся на смотр в первой партии оказались совсем не обученными грамоте.

В январе 1722 г. Татищев побывал в Кунгуре. Узнав, что учатся не все дети, указанные в росписи, он предписал срочно собрать их в школу. В марте 1722 г. в школе числился 21 ученик. Пятеро новичков были выделены под рубрикой «достальных собрано»: сын дьячка Ильинского острожка учил «суптракцию», сын пономаря с. Тихоновского – «счисление», дьячковский сын из того же села учился писать; писали сыновья попа и дьячка из с. Филипповского и Рождественского. Возраст их – 12 лет, 17, троим по 18, причем двое 18-летних еще не закончили обучение письму [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 219].

Следующая по времени ведомость датируется мартом 1723 г. [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 26, л. 114–115 об.]. В школе по-прежнему числился 21 ученик, но состав их изменился. В школьном списке 8 новеньких: Антон Пестерев, сын дьячка 19 лет, и Федор Розмахнин, сын пономаря 18 лет, – уже «в тройных» правилах; сыновья попов Семен Романов 19 лет – «в сложении с рублями»; Афанасий Свиньин 18 лет – «в раздроблении». Они начали учиться математике дома, так как слишком далеко

продвинулись в науках. Иван Бочкарев и Федор Деманов, сыновья попов 13 и 16 лет, только приступили к математике; сын дьячка Осип Стахив 14 лет писал слова и последним в списке числился «волею господ Строгановых поповской сын Парфен 13 лет».

Благодаря сбору детей в арифметическую школу при Уктусском заводе, начавшую действовать с мая 1721 г., мы можем говорить об обучении детей грамоте на дому и в семьях мастеровых, церковнослужителей, разночинцев при Уктусском, Алапаевском заводах и приписных к ним слободах: в ведомости за апрель 1722 г. в Уктусской арифметической школе числилось 25 учеников, еще 1 числился в бегах и 3 подростка упоминались как не явившиеся с Алапаевского завода [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 620, л. 218–218 об.]. В 1723 г. среди просителей о назначении жалованья и отпуска домой мы видим фамилии 5 новичков, взятых с Каменского завода, Арамилской, Багаряцкой и Ново-Пышминской слобод [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 22, л. 643, 1209].

Перед отъездом с Урала в октябре 1723 г. Татищев составил наказ заводскому комиссару Федору Неклюдову, в котором разработал программу развития школ при Уктусском, Алапаевском, Каменском заводах, только что переданных из ведения Сибирской губернии горным властям, и новом Екатеринбургском, за две недели до его пуска в строй [см.: Татищев, с. 87–89]. Предписывалось: «На всех заводах собрать детей церковных и приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводских жителей, и оных обучать читать, писать, арифметики, геометрии и чертежей, а вольнопришедших принимать всякого чина людей и отдавать в школы по их требованию». Таким образом, была сделана попытка на нормативном уровне ввести обязательное обучение детей, проживавших при заводах, в школе, причем грамоте — по месту жительства. Потребность в грамотных была большая, многие заводские специальности были немыслимы без умения писать.

Обучение чтению должно было проводиться по азбукам и часословам, письму — на черных деревянных досках с помощью мела, как только ученик обучится письму «складов», его предписывалось обучать арифметике. Навыки в грамоте школьники могли затвердить в конторах, куда предписывалось брать для помощи при сочинении ведомостей по 2–3 человека с оплатой за помощь по 3 коп. на день за счет подьячих.

К сожалению, при новом начальнике заводов — В. И. Геннине — с 1725 по 1734 г. действовали лишь две школы при Екатеринбургском заводе, куда собирали детей с Уктусского, Алапаевского, Каменского заводов. Примечательно, что переведенные в Екатеринбург в мае 1725 г. ученики

Уктусской словесной школы были жителями не только Уктусского завода, но и Алапаевского, Каменского, самого Екатеринбургского, близлежащих острогов и приписных к заводам слобод. Раскрыть места жительства учащихся помогают документы предшествующих лет — ведомости Уктусской школы, прошения учеников, разного рода указы, письма, доношения с других заводов о присылке детей для обучения на Уктус. В ведомости учащихся словесной школы за март 1725 г., накануне переезда в Екатеринбург, напротив большинства фамилий показано, откуда взяты ученики [см.: ГАСО, ф. 29, оп. 1, д. 11, л. 193–193 об.]. Большую часть составляли дети, проживавшие в поселке Уктусского завода, причем 27 из них были зачислены в школу в результате переписи в ноябре 1724 г. Организовал эту перепись заводской комиссар Ф. Неклюдов. В апреле 1724 г. он поручил куренному надзирателю на Уктусском заводе и в приписных к нему слободах переписать «у всех церковных, приказных служителей, мастерских, подмастерских и всех заводцких жителей, кроме крестьян и бобылей, детей их от 7 до 15 лет, которые не определены в школу». Сделать это предписывалось «немедленно, чтоб валентирам от нех ниhto не был под страхом жестокого наказания» [Там же, д. 7, л. 516–516 об.]. Результаты переписи были представлены в кантору лишь в августе, только к 7 ноября капралу Тарабаеву поручалось собрать детей для обучения, что он и сделал в течение недели. Дети подлежали «разбору» — исключали больных (глухих, косноязычных), некоторые «малолеты» получали годовую отсрочку, а 15-летних в ходе смотра отказались брать для обучения как великовозрастных [Там же, д. 66, л. 686–687].

Согласно мартовской ведомости 1725 г. в Уктусской словесной школе числились и трое жителей Екатеринбурга, учившие часослов, один «твердил» письмо [Там же, д. 11, л. 193–193 об.]. Поскольку в более ранних ведомостях эти ученики не фигурировали, ясно, что они попали в школу в результате переписи 1724 г. и начали учиться грамоте на дому. По меньшей мере 9 человек были переведены на Уктус из словесной школы Алапаевского завода, вероятно, в первой половине 1725 г., так как тамошний дьякон отказался обучать детей по причине постоянных неурядиц с платой за обучение, один из учеников находился «в письме слов», остальные «в письме твержения рук».

Таким образом, среди первых учащихся Екатеринбургской словесной школы оказались дети, проживавшие в поселках трех казенных заводов, большей частью на Уктусе. Были среди них и «вольные», отданные родителями по своему желанию. Поступление «вольных» учеников приветствовалось наказом 1723 г. и последующими инструкциями уральского начальства.

Следует отметить, что в 1723–1724 гг. Горное ведомство, вопреки общероссийским законам, пыталось вести борьбу с епископами Вятской и Великопермской епархии и Сибирской за обучение в школах Горного ведомства детей местного духовенства, но оно эту борьбу проиграло [подробнее об этом см.: Сафронова, 2004, с. 65–68].

Во второй половине 1720-х гг. у местных властей появились новые источники пополнения екатеринбургских школ. Уступая просьбам уральской администрации, Сенат указом от 14 июля 1725 г. разрешил приписных к заводам крестьян, зачисленных в число рекрут, вместо отправки в армию «определять в заводские работы и обучать всякому мастерству, из них же содержать для охранения заводов и пограничных слобод» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 5, л. 180 об.]. Этим было положено начало систематическому переводу приписных крестьян в число мастеровых. В книге записи исходящих документов Екатеринбургской заводской канторы за октябрь 1725 г. зарегистрирован указ в подчиненные канторы Уктусского, Каменского, Алапаевского заводов: с определенных в мастерства людей, записанных в подушный оклад, брать подушные деньги до особого распоряжения, «а детей их определять в науки» [ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 4, л. 178 об.]. Таким образом, указ Сената начинал действовать, детей взятых на заводы приписных крестьян предписывалось посылать в екатеринбургские школы. Они, как и отцы, переходили в число мастеровых. Собирались в школу и дети боярские – в декабре 1725 г. Иван Будаков и Осип Голенищев были отправлены по указу в словесную школу [см.: Там же, л. 225].

В 1726 г. для обучения грамоте постоянно зачисляли небольшие группы детей, вызывавшихся на смотр в Екатеринбург с Алапаевского и Каменского заводов. В записной книге Алапаевской заводской канторы за 13 февраля 1726 г. зарегистрирован указ, поступивший из Екатеринбургской заводской канторы, о переписи при заводе приказных, мастеровых людей и прочих служителей и их детей, и братьев, и пасынков, и других родственников мужского пола с указанием лет [см.: Там же, д. 7, л. 7]. На основе переписи жителей Алапаевского завода обер-бергамт устраивал смотры детей тамошних мастеровых и распределял их к делам, а малолетних – в школы. Так, в июне 1726 г. были вызваны на смотр в Екатеринбург 23 человека — дети и братья мастеровых [см.: Там же, д. 6, л. 24]. Часть их была, по-видимому, зачислена в школу. В протоколе обер-бергамта за 4 октября зафиксированы результаты еще одного «разбора» детей мастеровых: трех человек направили в горную работу на Полевской завод, 13 человек – в школу, «нетчиков» велели пересмотреть на месте

Алапаевской конторе, годных для обучения или для работы выслать в обер-бергамт [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 352 об.]. Через несколько дней неявившиеся были представлены в Екатеринбург.

В июне 1726 г. начальник заводов В. И. Геннин издал указ: мастерских детей Каменского завода собрать всех к смотру и распределить на свободные места согласно новым штатам, а малолетних определить в школу. При этом делалась оговорка: «буде же явится, что у отца один сын и есть, а он при старости или дряхл, или один сын явится у вдовы, таких не брать и отдавать отцам или матерем их возвратно» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 795, л. 158 об.]. Обер-бергамт тотчас же потребовал от Екатеринбургской конторы объявить детей к смотру «всех без остатку», указав конкретно, сколько у каждого отца детей к делам не определено и сколько определено, единственный ли сын, жив отец или умер, у дел или за старостью, увечьем отставлен, а также в каком «мастерстве» есть незанятые места [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 183 об.].

В середине сентября начальство распределило детей Каменского завода, представленных конторой для смотра, по ее разметкам: 8 человек отправили в горную работу, 21 – в школу. Но явились далеко не все. Каменской конторе предписали самой пересмотреть «нетчиков», прислать годных в работу и в школу, набрав из детей 41 человека, чтобы заполнить 100 комплектных мест в словесной и арифметической школах Екатеринбурга, имевших право на получение казенного жалованья [см.: Там же, л. 324–324 об.].

Другая контора, Екатеринбургская земская, на протяжении 1726 г. представляла к смотру своих подопечных – подьячих, пищиков, детей боярских из свобод, приписных ко всем четырем заводам. Годных по возрасту распределяли на работу, старых и увечных отправляли по домам, детей школьного возраста зачисляли в екатеринбургские школы. К учению в январе 1726 г. определили двух детей пищиков из Арамилевского дистрикта, в марте – группу «малолетов» детей боярских, при этом двух человек из-за малого возраста отпустили домой с обязательством представить их в школу к январю 1727 г., в марте же – 11 детей боярских и сына пищика из Камышловского дистрикта [см.: ГАСО, ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 3, 15 об.; ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 80–80 об.].

Поскольку разночинцев присылалось «малое число», во время смотра 31 марта 1726 г. начальство приказало из Арамилевского и Камышловского дистриктов выслать остальных, а из Каменского и Алапаевского – разом всех, «без остатка», кроме определенных к делам. Земские комиссары должны были подписаться, что больше никто на их территории

не остался вне смотра, и отметить тех, кто в отлучке. В апреле был отдан в школу сын подьячего Белоярской слободы, в мае – сын капитана Рачковского, бежавший в первый раз (он сразу же попал в арифметическую школу), через день – трое детей пищика в словесную и арифметическую. Тогда же начальство постановило: впредь присылать всех разночинцев разом, а не порознь, чтобы не было подставок. В июне 1726 г. из объявленных разночинцев Алапаевского дистрикта один, Иван Чернышев, был послан в школу «для науки письма и арифметики», т. е. он уже умел читать [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 101, 146 об., 171 об.].

Имелись случаи, когда родители просили не забирать в школу детей. Дважды в 1726 г. власти рассматривали прошения отцов. Молотовый мастер Алапаевского завода Мина Трусов просил вернуть двух взятых у него сыновей, проучившихся чуть более месяца в Екатеринбургской школе. Но выяснилось, что есть третий сын, он оставлен у родителей, и в просьбе отказали. Солдат Албычев просил отдать ему сына Андрея на 3 года с обязательством обучить грамоте. Обер-бергамт дал согласие на 2 года с условием: дать подписку, если не выучит чтению и письму, отдаст штраф в госпиталь 20 руб. – сумма огромная по тем временам, равная двум годовым солдатским окладам. Отец с этим условием согласился [Там же, л. 171 об., 94 об.; ф. 38, оп. 1, д. 5, л. 25 об.].

В целом документы показывают, что уральская администрация и лично начальник заводов В. И. Геннин в ходе компаний 1726 г. по разбору людей своего ведомства пристально следили за зачислением детей в екатеринбургские школы и оставляли дома лишь одного ребенка. При этом начальство руководствовалось не отвлеченными идеями о просвещении подрастающего поколения, а меркантильными интересами ведомства – в грамотных ощущалась острая нужда, часть штатных мест нечем было укомплектовать.

В ходе разборов 1726 г. выяснилось, что рекрутов текущего набора не хватит для заполнения штатных заводских мест, и Геннин добился разрешения Берг-коллегии на укомплектование их рекрутами даже в счет будущих наборов. Этим же указом от 20 сентября 1726 г. Берг-коллегия решила определять в заводские ученики «из драгунских и салдатских детей и протчих чинов людей, також и ис приписных сирот, кои неспособны ко обучению в школу» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 194, л. 155–155 об.]. Поскольку эти постановления передавали детей приписных крестьян-рекрутов, драгун и солдат в полное распоряжение заводских властей, их нормы стали трактоваться начальством как разрешение определять детей этих социальных категорий в горнозаводские школы.

Получив указ Берг-коллегии от 20 сентября 1726 г. в канун нового года, уральское начальство 30 декабря определило: «сирот и всякого звания, також драгунских и салдатцких и других разночинцов» заводского ведомства «детей малолетних определить всех в комплект по Табелью в школу для обучения», возрастных – в мастерства, «не обходя никого», кроме дряхлых, одного из сыновей оставлять «при отцах» [Там же, л. 465–465 об.]. Напомним, комплект детей на жалованье Табелью 1726 г. продолжал оставаться в 100 человек, как и по определению Берг-коллегии 1724 г. [см.: РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 758, л. 17 об.].

Состав учащихся словесной школы мы можем проанализировать по списку на май 1728 г., из которого следует, что по прошествии трех лет деятельности школы в Екатеринбурге в ней не осталось ни одного ученика с этого завода, 16 человек были с Каменского завода, 11 – с Алапаевского, 10 – с Уктусского, все дети заводских работников, за исключением одного, сына уктусского «жителя». Пятеро были из Камышловской слободы – трое детей боярских (Иван Булдаков, Федор Ярцев и Дмитрий Чернышев) и двое детей отставного пищика Голубева. Всего 42 ученика [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 177, л. 94 об. – 95].

В июле 1727 г. Геннин вынес приговор: «у всех здешних жителей, мастеровых людей и бобылей, и разночинцов, забрать всех детей и родственников, которые обретаются не у дел, ко смотру и переписать», годовных определить в работу, малолетних в школу, чтобы был полный комплект [см.: Там же, л. 77]. В протоколах обер-бергамта за 3 октября 1727 г. есть повторный приговор Геннина, касавшийся уже непосредственно школ, начальник заводов возвращался к проблеме их пополнения: «А понеже сколько известно, что школьников комплекта ста человек не имеетца, того ради набрать из здешних шатающихся робят и определить в школу, чтоб был комплект полной, сто человек, которых велеть обучать с прилежностью» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 195, л. 491–491 об.].

Нам не удалось выяснить, когда проводилась перепись, вероятно, в первые месяцы 1728 г. В делах обер-бергамта имеется полный сводный реестр переписанного населения, не определенного к делам: детей, пасынков, племянников мастеровых, бобылей, разночинцев, по-видимому, не только Екатеринбургского завода, но и прилегающих поселений – жителей д. Мелковой, например [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 177, л. 77–93]. Реестр не датирован, но время завершения «разбора» детей и юношей по нему выясняется из последующих документов – 1 апреля 1728 г. [см.: Там же, л. 97]. По нашим подсчетам, решено было направить для обучения 90 детей и подростков. Против 7 фамилий стояла помета: «спра-

виться», это относилось к пасынкам, у которых не было известно социальное положение отцов, а также к детям конюха, плотника, заводского сторожа, брата крестьянина, определенного к заводским делам. В конечном счете, из семи детей четверо были зачислены для обучения, но один из них, сын мастера Венедикт Укладников, уже «учился в школе своею волею», другой, записанный как сын заводского ученика, оказался его пасынком, положенным в подушный оклад вместе с крестьянином-отцом, и его решили не брать [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 177, л. 79, 81 об.].

Среди 88 человек, направлявшихся в школу в ходе «разбора» безоговорочно, 75 были детьми мастеровых, трое – детьми приказных, двое – пищиков, 8 – разночинцев (целовальника, церковного старосты, бывшего дьячка и т. д.). Возраст их колебался от 7 до 18 лет: 31 человек как раз подросли к зачислению, им было по 7–8 лет, 9-летних – 11 человек, 10–11-летних набралось поровну – по 8, 12-летних – трое, 13-летних – девять, 14-летних – 11, 15-летних – двое, 16 лет – четыре, 18 лет – один.

Данные о возрасте учеников, набранных в 1728 г., позволяют утверждать, что в распоряжении властей имелось большое число детей, проживавших на этом же заводе, которых они могли и должны были, согласно нормам наказа 1723 г., принять в школу для обучения, но власти этого не делали, хотя комплект школьников, получавших жалованье, в 1726 г. был половинный, сохранялось 50 свободных мест. На них зачислялись дети с других заводов и слобод, в то время как екатеринбургские оставались за порогом школы.

Только 28 июня 1728 г. в обер-бергамте слушали реестр переписи и предложения о назначении жалованья. В обеих школах жалованье получали 59 человек, из вновь принятых право на него имели 52, что превышало комплект на 11 человек. Решено было принять 93 человек по реестру, 52 назначить жалованье, а лишних 11 учащихся из «возрастных и непонятных» распределить к делам [см.: Там же, л. 105 об.]. Так состоялось официальное зачисление первой большой партии юных екатеринбуржцев для обучения грамоте.

В начале 1730-х гг. по инициативе Берг-коллегии в екатеринбургские школы были приняты дети драгун, положенные в подушный оклад. Указом от 23 августа 1731 г. Берг-коллегия предписала удовлетворить требование военного ведомства – отправить с Урала в Сибирский полк драгунских детей, не числившихся в подушном окладе; при этом детей, записанных в окладные книги, отдавать запрещалось, они должны были оставаться в горном ведомстве – Берг-коллегия отвечала за поступление податей в казну от людей своего ведомства и освободить их своей волей

от уплаты не могла [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 207, л. 168–168 об.]. Эти дети жили при отцах, несших службу в Ишиме и Царевом Городище (Кургане), а записаны были в подушных книгах по месту жительства матерей в Каменском дистрикте — острогах Колчеданском, Каменском, Кайтайском, д. Черноусово, Броды и др. По представлению Геннина Берг-коллегия разрешила взять их от отцов в Екатеринбург, возрастных распределить к горным делам, а малолетних определить в школу с жалованьем. В октябре и декабре 1732 г. 16 детей были зачислены для обучения [Там же, л. 168 об., 512 об. — 513 об.].

В январе 1733 г. в обер-бергамте слушали поступивший из Коммерц-коллегии именной печатный указ об определении солдатских детей в школы. Это был указ Анны Иоановны от 21 сентября 1732 г. о гарнизонных школах, согласно которому все дети солдат, драгун, рейтар, городских казаков и прочих служилых людей от 7 до 15 лет, не положенные в подушный оклад, должны были учиться в школе и оставаться в воинской службе по окончании обучения [см.: ПСЗРИ-1, т. 8, № 6188].

В горном ведомстве были воинские части, укомплектованные не положенными в оклад служилыми людьми. Из 960 солдат Тобольского гарнизонного полка, посланных в 1723 г. на строительство Екатеринбургского завода, одна пехотная рота была оставлена в Екатеринбурге для охраны крепости и караулов, а драгунская рота Сибирского полка расквартирована в Горном Щите для защиты слобод Екатеринбургского и Тобольского ведомств от нападения башкир [см.: Земцов, Ляпин, с. 23–24].

Поэтому власти решили принять указ об обучении детей служилых к действию. 30 января 1733 г. приказано было переписать детей Екатеринбургского гарнизона и драгунской роты, не определенных к делам, с указанием имен и лет. Наряду с детьми служилых людей предписывалось переписывать и детей мастеровых [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 209, л. 101–101 об.]. Сохранились результаты этой переписи 1733 г. Она охватывала детей Екатеринбургского и новых Верх-Исетского и Верхне-Уктусского заводов от 7 до 15 лет. На Екатеринбургском заводе было учтено 50 детей заводских работников, 11 детей подьяческих, 27 солдатских, всего 88 человек [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 460, л. 10–15]. При этом среди заводских, наряду с детьми мастеров, подмастерьев, заводских работников и учеников, были записаны и дети конюхов, сторожей контор, двое детей драгуна и сын заплочного мастера Екатеринбурга Кандыбая. Из 50 детей этих работников четверо уже оказались записанными в школу, девять человек пребывали вместе с отцами в Тобольске, Верхотурье, на Сысертском, Каменском заводах, у Осокина, в слободах; трое числились среди

больных и потому негодных к обучению; в отношении пяти детей (драгуна, заплочного мастера, сторожа, плотника) стояла помета: «справиться» – власти хотели выяснить, не записаны ли они в подушный оклад. На Верх-Исетском заводе был выявлен 31 человек, на Верхне-Уктусском заводе – 17 детей заводских работников. Таким образом, по всем трем заводам – 136 человек.

Только в январе 1734 г. обер-бергамт приказал принять для обучения детей приказных служителей и мастеровых «ис тех, которым уже по силе именного указа учинена перепись в начале здешнего завода», и если не хватит для наполнения комплекта в 100 человек, то и детей с других заводов [см.: ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 460, л. 9 об.].

В марте 1734 г. состоялся второй массовый набор детей в Екатеринбургскую словесную школу по результатам переписи 1733 г. С Екатеринбургского завода было принято 30 человек, с Верх-Исетского – 18, с Верхне-Уктусского – пять, всего 53 человека [см.: Там же, л. 19–20]. Из них двое детей подъяческих, остальные – мастеров, подмастерьев, заводских работников и учеников. Ясно, что в школу попали почти исключительно дети мастеровых и среди них преобладали дети с Екатеринбургского завода – сказывались его масштабы как наиболее крупного предприятия.

Сравнение переписи детей со списком зачисленных для обучения показывает, что большинство детей в 1734 г. не попали в число школьников – на Екатеринбургском заводе взяли лишь 34 %, на Верх-Исетском – 58 %, на Верхне-Уктусском – 29 % числившихся в списках. В школу не попал ни один солдатский сын, несмотря на именной указ 1732 г., из детей приказных взяли лишь двоих, большинство детей мастеровых так и не были вызваны с других заводов. Ситуация, по сравнению с 1726 г., когда вызывали всех «нетчиков», брали подписки с заводских комиссаров о том, что ни один ребенок не остался вне смотра, изменилась. Судя по пометам, почти все дети подъячих обучались грамоте на дому, и власти не возражали против этого.

Итоги набора 1734 г. свидетельствуют, что в распоряжении уральской администрации к концу первого десятилетия деятельности екатеринбургских школ имелся широкий в социальном плане контингент детей, власти уже могли действовать избирательно, обеспечивая свои непосредственные интересы. И, пользуясь этой возможностью, они, естественно, отдавали предпочтение детям мастеровых. Выпускниками школ уже были заполнены десятки мест подъячих заводских контор, места заводских учеников, подмастерьев, мастеров. Горному ведомству важно было обеспечить грамотными людьми расширяющееся заводское производство, иметь

в запасе людей для рассылки по другим заводам. Конечно, при желании начальник заводов В. И. Геннин мог бы добиться одобрения Берг-коллегии на внесение изменений в штатное расписание, увеличить число учителей и число учащихся на жалованье. Но он к этому не стремился, удовлетворяясь прежним порядком.

В конце первого десятилетия деятельности школ изменилось и отношение к детям, записанным в подушный оклад. В связи с введением в действие новых штатов Геннин указом от 10 мая 1734 г. поставил перед обер-бергамтом задачу: «разобрать» учеников, положенных в подушный оклад, отпустить для платежа подушных денег домой, также и не положенных, но родившихся «до определения отцов в мастерства», – в будущей ревизии они попали бы в оклад. Школы предписывалось укомплектовать детьми, родившимися «после определения отцов в мастерства» [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 506, л. 1–2, 4 об.]. Обер-бергамт принял это к руководству. Но в ходе «разбора» оказалось, что многие ученики учатся давно, понятливы, «ростом еще не велики», подушных денег зарабатывать не смогут, а на жалованье им «издержан кошт немалой», и если распустить по домам, они выученное забудут и все расходы на их обучение будут напрасны. Поэтому члены обер-бергамта, включая Геннина, решили оставить всех учеников, за исключением одного непонятливо-го, для обучения [см.: Там же, л. 100].

Поступали в словесную школу дети и помимо воли начальства, по инициативе родителей. В этом случае отцы или матери должны были подать прошение в обер-бергамт, который и принимал решение. Желаящим учить своих детей горное ведомство препятствий не чинило, отказов на эти прошения не было. В 1730 г. просил об определении детей, Ивана «большого» и Ивана «меньшого», для обучения чтению, письму и арифметике канонир Иванов, «чтоб лета им свои втуне не потерять». В 1731 г. обращались с просьбами две вдовы, которые после смерти мужей пропитание имели с детьми «с нуждою» – в марте вдова гармахера Захарова, в июле – крестьянина Озорнина. Этих женщин подталкивала к отдаче сыновей в школу надежда на казенное жалованье, с помощью которого легче было их прокормить [см.: Там же, оп. 12, д. 201, л. 162 об.; д. 202, л. 382–383; д. 203, л. 211 об.]. В 1731 г. среди просителей и сын бывшего учителя словесной школы Никита Попов, он после смерти отца жил с братьями, которые сами с трудом пропитание имели, работая копиистами. Подросток, поступивший сразу же в арифметическую школу по прошению отца в 1732 г., – Василий Горшков – был сыном крестьянина Арамильской слободы. Отец сообщал, что обучил его за свой кошт

чтению и письму, сам «престарел и глаза плохо видят», кормить и одевать сына не в состоянии, желает обучить его другим наукам с жалованьем. Горшков не попал в подушную перепись и был взят учиться без всяких проволочек [см.: Там же, д. 202, л. 87–88; д. 205, л. 526–526 об.].

Таким образом, активная политика В. Н. Татищева как начальника казенных заводов по привлечению к обучению грамоте как можно более широких слоев населения в 1721–1722 гг. сменилась более умеренными действиями властей во второй половине 20-х – первой трети 30-х гг. XVIII в. Центром обучения грамоте стал один Екатеринбургский завод. Периодически устраивались переписи и «разборы» жителей других заводов, не определенных к делам, включая детей, в результате которых пополнялся состав словесной школы Екатеринбурга. Примечательно, что в 1728 г. в ней учились дети, набранные с Каменского, Алапаевского и Уктусского заводов, но не осталось ни одного ученика с Екатеринбургского, хотя на этом самом крупном заводе проживало наибольшее число жителей и имелись дети школьного возраста, остававшиеся вне школы. Только в 1728 и 1734 гг. состоялось два массовых зачисления детей, причем в 1734 г. были приняты также дети с Верх-Исетского и Верхне-Уктусского заводов, но далеко не все. В школу записали лишь 34 % детей, учтенных на Екатеринбургском заводе, 58 % – на Верх-Исетском, 29 % – на Верхне-Уктусском. Только в период второго руководства заводами В. Н. Татищева в 1734 г. была проведена масштабная перепись детей на всей территории заводского ведомства, и с 1735 г. началось массовое открытие школ при всех казенных заводах, в результате чего большинство детей стали обучаться в школах по месту жительства.

Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24 (Уральское горное управление); ф. 29 (Уктусский золотопромышленный завод).

Земцов В. Н., Ляпин В. А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1992.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-1). СПб., 1830. Т. 6, 8.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271 (Берг-коллегия).

Сафронова А. М. В. Н. Татищев как выдающийся деятель просвещения в России первой половины XVIII в.: к 330-летию со дня рождения. Екатеринбург, 2016.

Сафронова А. М. В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 20-е гг. XVIII в.: политика властей // Изв. Урал. гос. ун-та. 2004. № 31. С. 59–75 (Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение; вып. 7).

Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в распространении детской грамотности на казенных заводах Урала в 20-е и 30-е гг. XVIII в. // Одиннадцатые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2015. С. 82–89.

Сафронова А. М. Сельская школа на Урале в XVIII–XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян. Екатеринбург, 2002.

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М., 1990.

УДК 94(47).084:316.3

Л. Н. Мазур, О. В. Горбачев

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ В РОССИИ в XX в.¹

Исследования по истории крестьянской семьи обычно опираются на статистические источники, в первую очередь, на опубликованные результаты переписей населения. Между тем, помимо переписей, сохранились комплексы массовых источников, позволяющие реконструировать структуру и динамику семьи на различных этапах ее развития — это материалы бюджетных обследований, похозяйственные книги, а также акты гражданского состояния. Они содержат системную информацию о семье как домохозяйстве и позволяют использовать методы моделирования при анализе историко-демографических процессов. В статье предложен обзор основных видов массовых источников по истории крестьянской семьи и их информационном потенциале.

К л ю ч е в ы е с л о в а: переписи населения, бюджетные обследования, текущий учет населения, похозяйственные книги, крестьянская семья, крестьянское хозяйство.

История семьи как самостоятельное направление исторической науки развивается в трансдисциплинарном поле, интегрирующем достижения исторической демографии, статистики, родоведения, социологии, и опирается на совокупный потенциал разнообразных исторических источников и междисциплинарных методов. В настоящее время основным трендом изучения истории семьи является опора на массовые источники и компьютерные технологии, которые позволяют реконструировать

¹ Тема поддержана грантом РФФИ № 18-09-00592 «Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в XX веке: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований».